

Б. В. ТОМАШЕВСКИЙ

Десятая глава «Евгения Онегина»

(История разгадки)

І. ЗАГАДКА

В 1906 г. в издании «Пушкин и его современники» (вып. IV) появилось составленное В. И. Срезневским описание рукописей майковского собрания. Описание предварено кратким введением, в котором между прочим говорится:

«В 1904 году Рукописное отделение библиотеки Академии наук обогатилось ценнейшим собранием автографов Пушкина, принесенным в дар Академии вдовой покойного Леонида Николаевича Майкова Александрой Алексеевной Майковой. При передаче в библиотеку своего дара жертвовательница поставила условием, чтобы право первого пользования пушкинскими материалами и опубликования их принадлежало Академии Наук и чтобы опубликование это произошло в академическом издании сочинений Пушкина, начатом Леонидом Николаевичем Майковым. Ввиду этого в представляемом ниже обзрении коллекции дано только сухое и краткое внешнее описание каждой рукописи без приведения каких бы то ни было выписок из неизвестных текстов или новых вариантов к текстам известным».

В таком описании, которым, по мнению автора, не было «нарушено желание жертвовательницы», значилось два загадочных пункта:

«37д) Наброски из Путешествия Онегина. Листок сероватой бумаги с клеймом 1823 г. Среди текста красная цифра 55».

«57) «*Нечаянно пригретый славой...*» и «*Плешивый щеголь, враг труда...*» (1830?). В четверку, 2 л. (1 л. перегнутый пополам). На бумаге клеймо 1829 г. Красные цифры: 66, 67. Текст писан с внутренней стороны сложенного листа. Поправок почти

нет; писано наскоро, многие слова не дописаны, собственные имена обозначены буквами»¹.

II. КЛЮЧ

Несмотря на завещание А. А. Майковой, в 1910 г. Академия решила нарушить волю жертвовательницы и раскрыть смысл этих двух пунктов, не дожидаясь выхода в свет соответствующих томов Академического издания. В XIII выпуске издания «Пушкин и его современники» появилась статья П. О. Морозова, сопровождаемая факсимильным воспроизведением обоих документов. Статья называлась «Шифрованное стихотворение Пушкина» и представляла собой открытие ключа к шифру. Оказалось, что листок № 57, если его читать подряд, представлял собой бессмысленный набор стихов. Но в этом наборе мелькнули знакомые строки, напомнившие четверостишие из «Героя»:

Все он, все он — пришлец сей бранный,
 Пред кем смирились цари.
 Сей ратник, вольностью венчанный,
 Исчезнувший, как тень зари.

Морозов заметил, что стих, соответствующий первому стиху четверостишия, находится наверху правой страницы, второй — внизу правой, третий — наверху левой, четвертый — внизу левой. Тогда, разбив строки на четыре группы, Морозов начал их читать в той же последовательности, т. е. по стиху из группы. Получились законченные четверостишия. Некоторые неувязки легко было устранить. Первые четверостишия слагались, по видимому, в законченное стихотворение, но начиная с пятого связь между четверостишиями утратилась, хотя смысл в общих чертах сохранялся. К сожалению, в четвертой группе стихов (нижняя половина левой страницы) оказалось меньше стихов, чем в остальных, и последние четыре четверостишия имели только по три стиха. Из них два последних совпали с начальными стихами двух строф, находившихся на одной стороне листка № 37д, т. е. того, который в описании В. И. Срезневского отнесен к путешествию Онегина. Морозов сделал следующее замечание, которое и повлекло за собой осмысление всего материала: «...стихи здесь (в отрывке 37д) написаны «онегинскими» строфами, что и отличает их от разобранных нами шифрованного текста; непосредственная их связь, по содержанию, с этим последним наводит на предположение, что и шифрованные отрыв-

ки также могут относиться к путешествию Онегина, которого поэт приводит в круг декабристов. Но в таком случае в отрывках недостает уже очень многих стихов, так как составить из них «онегинские» строфы совершенно невозможно». Надо отметить, что на обратной стороне того листка, на котором находились строфы, отнесенные к путешествию Онегина, была еще одна неполная строфа. Ее не было в шифрованном перечне. Морозов, транскрибируя этот листок, поставил ее на последнее место.

III. БЛУЖДЕНИЯ

После статьи Морозова общее внимание было обращено на вновь открытое произведение. Интерес, возбужденный политической темой, заинтриговывающая любопытство зашифрованность стихов, неполная разгаданность документа — все это привлекало исследователей к данному стихотворению. Далеко не все, что появилось в печати после статьи Морозова, действительно ценно. Кое-что намечалось, но многое было совершенно фантастично.

<...> Для первых расшифровщиков стихотворный текст Пушкина не обладал собственной последовательностью и представлялся в виде неоформленных отрывков, иногда идущих подряд, иногда отделенных друг от друга какими-то утраченными частями и вообще не внушающих доверия по своему расположению. Поэтому не ставили вопроса, почему именно так записал Пушкин свои стихи, и стремились внести порядок «по смыслу», приписывая Пушкину собственное осмысление отрывков. Хотя уже было известно, что перед нами строфы «Евгения Онегина», никто не думал делать вывода из этого, и задача реконструкции строф никем еще не была поставлена. Так дело обстояло и в 1919 г., когда В. Брюсов в выпуске «А. С. Пушкин. Стихотворения о свободе» (Народная библиотека. № 140) дал сводный, по возможности связный текст всего отрывка. Привожу этот текст целиком, чтобы показать, во-первых, во что складывалось представление о тексте к 1919 г., а во-вторых, для демонстрации совершенно безудержного произвола, характерного для редакторских приемов Брюсова:

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.

Его мы очень смирным знали,
 Когда не наши повара
 Орла двуглавого щипали
 У Бонапартова шатра.
 Гроза двенадцатого года
 Настала — кто тут нам помог?
 Остервенелые народы,
 Барклай, зима иль русский бог?
 Но бог помог, стал ропот ниже,
 И скоро силою вещей
 Мы очутились в Париже
 И русский царь — главой царей.
 Тряслися грозно Пиренеи,
 Вулкан Неаполя пылал,
 Безрукий князь друзьям Морей
 Из Кишинева уж мигал...
 «Я всех уйму с моим народом!»
 Наш царь в покое говорил...
 . . . . .
 Потешный полк Петра-титана
 Дружина старых усачей,
 Предавших некогда тирана
 Свирипой шайке палачей, —
 Россия присмирела снова, —
 И пуце царь пошел кутить...
 Но искры пламени иного
 Уже издавна может быть...

Этот текст является извлечением из работ Морозова и Лернера. О прочем Брюсов пишет: «Далее сохранились лишь отрывочные строки, изображающие декабристов». Извлечения из этих черновых строк им даются в собственной, совершенно произвольной композиции:

Там Пестель доставал кинжал...
 И, рать... набирая
 Холоднокровный генерал
 В союз свободы вербовал...
 Исполнен дерзости и сил
 Порыв событий торопил...
 . . . . .
 Там Кюхельбекер
 Читал свои стихотворенья
 Как обреченный обнажал
 Цареубийственный кинжал...
 . . . . .
 Одну Россию в мире видя,
 Лелея в ней свой идеал,

Хромой Тургенев им внимал,
И, слово «рабство» ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян...

.....
Везде беседы недовольных...
И постепенно сетью тайной
Россия...

Этот способ передачи подлинника, помимо произвола редактора, характеризует и господствовавшее представление о найденных отрывках. Ключ Морозова послужил только к тому, чтобы разыскивать соседствующие друг с другом стихи, но вовсе не к тому, чтобы составить себе представление о целом. Две-три явных ошибки Пушкина при шифровке на фоне очевидной неполноты документа привели к убеждению, что Пушкин шифровал беспорядочно, неряшливо, непоследовательно, с пропусками. Всех смущало то, что первые шестнадцать стихов дают какой-то связный текст и, следовательно, свидетельствуют о цельности замысла и записи, а затем эта цельность распадается и имеются только бесформенные фрагменты. Именно на этом построены попытки перестановками восполнить неувязки. Для разрешения этой путаницы требовался новый ключ.

IV. ВТОРАЯ РАЗГАДКА

Окончательным разъяснением всего вопроса явился доклад С. М. Бонди в Пушкинском семинаре при Петроградском университете. Доклад этот остался ненапечатанным, но на него ссылается М. Гофман в «Неизданных строфах «Евгения Онегина»» (1922 г.) как на «наиболее ценное и верное предположение». Основные положения этого доклада мне кажутся не вызывающими никаких сомнений. Исходя из того предположения, что перед нами действительно отрывки из десятой главы «Евгения Онегина», Бонди естественно умозаключает, что эти отрывки должны быть написаны «онегинской строфой». Но в «онегинской строфе» 14 стихов, а зашифрованная запись дает только четверостишия. Отсюда следствие: запись перед нами неполная. Не хватает еще десяти «порций» стихов. Следовательно, то, что мы восстанавливаем, — не более как отдельные четверостишия разных строф. Последовательность рифм в получившихся четверостишиях доказывает, что мы получили фрагменты по четыре первых стиха каждой строфы. Косвенным подтверждением это-

го служит относительная законченность каждого четверостишия. Дело в том, что вследствие особенностей синтаксической структуры большей части онегинских строф начальное четверостишие обладает обычно законченностью как грамматической, так и тематической. Обычно подобное четверостишие является как бы кратким изложением содержания всей строфы. Таким образом, если раскрыть «Онегина» на любой странице и начать читать подряд только первые четверостишия строф, часто получается большая связность и стройность, как будто мы читаем цельное стихотворение без всяких пропусков. Обыкновенно после нескольких строф, у которых первые четверостишия дают законченное чтение, мы наталкиваемся все же на строфы иного строя, у которых первые четыре стиха нельзя оторвать от остального, тогда наступает разрыв в тексте. Именно такую картину дают полученные строки: связное начало в четыре четверостишия и затем разорванные отрывки. Следовательно, и для первых четырех четверостиший связность их мнимая, и в действительности мы имеем четыре отдельных фрагмента, четыре начала последовательных строф. Отсюда два вывода: запись Пушкина неполна (нет записи конца строф); запись Пушкина последовательна (она не допускает перестановок, и все неувязки объясняются большими пропусками между сохранившимися фрагментами). Прямым доказательством справедливости взглядов Бонди является следующий факт. Черновой листок с жандармской цифрой 55 дает незашифрованный текст стихов. На нем находятся нешифрованные строки в их настоящей последовательности. И, сличая этот листок с зашифрованным текстом, обнаружим, что начальные стихи этих строф совпадают с двумя последними фрагментами шифровки. Таким образом, в пределах нам известного текста предположение Бонди является совершенно несомненным. Каждый фрагмент означает собой отдельную строфу. Последовательность строф определяется записью Пушкина. Положение черновых набросков листка 55 среди прочего текста дается ключом шифра. Таким образом оба документа представляются неразрывно связанными друг с другом, фиксируя две стадии работы над одним текстом.

Эти положения дали возможность с полной несомненностью реставрировать десятую главу в пределах дошедшего до нас текста и указать, что именно нам недостает. Публикация Гофмана и дает, с одной стороны, транскрипцию дошедшего, а с другой — реставрацию текста. Так как в некоторых деталях чтения Гофмана сомнительны или недостаточны, я не буду их приводить и ограничусь только полным воспроизведением всех материалов.

V. МАТЕРИАЛЫ

I. Упоминания Пушкиным десятой главы

1. Тетрадь ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 961 *, в конце автографа «Метели», датированной 20 октября (1830 г.), помета: «19 окт. сожж. X песнь».

Помета относится, конечно, к 1830 г. Что это было за «сожжение», трудно теперь догадаться. Во всяком случае какие-то копии этой главы оставались у Пушкина после 1830 г.

2. Автограф «Путешествия Онегина» (Там же. № 902. Л. 4). Против стихов:

Уж он Европу ненавидит
С ее политикой сухой

на полях приписка (другими чернилами): «в X песни».

II. Упоминания X главы в мемуарах и письмах современников Пушкина

1. В воспоминаниях М. В. Юзефовича о Пушкине, напечатанных в «Русском архиве» (1880. Кн. III. 2), говорится о разговорах Юзефовича и других с Пушкиным по поводу еще не законченного тогда (дело относится к июню 1829 г., к пребыванию Пушкина в армии) «Евгения Онегина»: «...он объяснил нам довольно подробно все, что входило в первоначальный его замысел, по которому, между прочим, Онегин должен был или погибнуть на Кавказе, или попасть в число декабристов»².

Воспоминания Юзефовича нельзя заподозрить в неточности, хотя они и написаны очень поздно (датированы автором июлем 1880 г.). Единственно, что не вполне ясно — это последнее «или». Вероятно, гибель на Кавказе не противопоставлялась декабризму Онегина: по-видимому, он попадает на Кавказ в результате участия в тайных обществах **. Показание Юзефовича не противоречит тому, что мы знаем о состоянии романа в июне 1829 г. К этому времени последней вышедшей в свет главой была шестая. В конце ее значилось: «Конец первой части». Таким образом, по первоначальному замыслу роман был обширнее того, что мы знаем, и включал какие-то отброшенные потом части. Написано тогда было семь глав, и Пушкин приступал к восьмой, впоследствии исключенной (Путешествие Онегина).

* Все шифры изменены в соответствии с нынешним хранением.

** Возможна и другая ошибка Юзефовича: он мог смешать с какой-нибудь другой ситуацией путешествие Онегина на Кавказ из первоначальной восьмой главы.

2. В дневнике П. А. Вяземского под 19 декабря 1830 г. читаем: «Третьего дня был у нас Пушкин. Он много написал в деревне: привел в порядок 8 и 9 главу Онегина, ею и кончает; из 10-й, предполагаемой, читал мне строфы о 1812 годе и следующих — славная хроника; куплеты: *Я мещанин, я мещанин*; эпиграмму на Булгарина за *Арапа*; написал несколько повестей в прозе, полемических статей, драматических сцен в стихах: *Дон Жуана, Моцарта и Салиери*: у вдохновенного Никиты, у осторожно-го Ильи» *.

Цитируемые в конце стихи вполне отождествляют 10-ю главу, о которой пишет Вяземский, с известными нам отрывками. Итак, в декабре 1830 г. существовали строфы из X главы, содержащие хроникю о 1812 г. и следующих. Это придает особую значительность фразе Пушкина из его проекта предисловия к двум заключительным главам романа (по первоначальному счету VIII и IX): «Вот еще две главы Евгения Онегина последние по крайней мере для печати...» (датировано: «Болдино, 28 ноября 1830»). Итак, уже в Болдине возникла мысль о двух редакциях романа: одной для печати, оканчивающейся восьмой (первоначально девятой) главой, и другой — не для печати. От второго замысла мы знаем о существовании строф из X главы.

3. В «Журнале Министерства народного просвещения» за март 1913 г. В. Истриным напечатаны отрывки из переписки Александра и Николая Тургеневых (Из документов архива братьев Тургеневых. II. Отрывок из «Путешествия Онегина». С. 16). В письме А. И. Тургенева из Мюнхена от 11 августа 1832 г. находим следующее: «Есть тебе и еще несколько бессмертных строк о тебе. Александр Пушкин не мог издать одной части своего Онегина, где он описывает путешествие его по России, возмущение 1825 года и упоминает, между прочим, и о тебе:

Одну Россию в мире видя
Преследуя свой идеал
Хромой Тургенев им внимал
И плети рабства ненавидя
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян

(т. е. заговорщикам;
я сказал ему, что ты
и не внимал им и не
знал их)

В этой части у него есть прелестные характеристики русских и России, но она останется надолго под спудом. Он читал мне в Москве только отрывки». <...>

* *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1884. Т. 9. С. 152.

VI. ТЕКСТ

Прежде всего займемся «шифрованным» листком, так называемой криптограммой. Для полной ясности приведу ее полностью в ее подлинном виде. Текст расположен на двух страницах развернутого полулиста, согнутого предварительно пополам (в формат четверти). На левой странице мы имеем одну полную колонку и отдельно справа четыре стиха; на правой (на которой жандармская цифра 67) — полная колонка стихов, разделенная горизонтальной чертой пополам. Слева на полях, повернув лист, Пушкин приписал в два столбца семь стихов.

Левая страница

Нечаянно пригретый Славой
 Орла двуглавого щипали
 Остервенение народа
 Мы очутились в П—
 Скажи за чем ты в самом деле
 Но стихоплет Великородный
 Авось по манью —
 Сей всадник Папою венчанный
 Безрукий К. друзьям Морей
 А про тебя и в ус не дует
 Предавших некогда —
 Но искры пламени инова
 Он за рюмкой русской водки
 У беспокойного Никиты
 Свои решительные меры
 Блестит над К. тенистой
 Над ними З—вал тогда
 У Б— шатра
 Б., зима иль Р. Б.
 А.Р.З. главой З.
 Меня уже предупредил
 Семействам возвратит С
 Исчезнувший как тень зари
 Из К. уж мигал
 Ты А. холоп
 Свирепой шайке палачей
 Уже издавно может быть

Второй столбец

Моря достались Албиону
 Авось дороги нам испр.
 Измучен казнию покоя
 Кинжал... *

* Конец стиха неясен. Вероятное чтение: «Кинжал Л тень Б». Но возможно и чтение: «Кинжал Л пел Б». Буквы «Л» и «Б» читаются предположительно.

Первая страница

Вл. слабый и лукавый
 Его мы очень смири знали
 Гроза 12 года
 Но Бог помог — стал ропот ниже
 И чем жирнее тем тяжеле.
 Авось, о Шиболет народный
 Авось аренды забывая
 Сей муж судьбы, сей странник бранный
 Тряслися грозно Пиринеи —
 Я всех уйму с моим народом
 Потешный полк Петра Титана

2

Р. Р. — снова прием —
 [У них свои бывали сходки]
 Витийством резким знамениты
 Друг Марса, Вакха и Венеры
 [Но т] Так было над Невою льдистой

Плешивый Щеголь Враг труда
 Когда не наши повара
 Наста — кто тут нам помог?
 И скоро силою вещей
 О Р. глуп наш и —
 Тебе б оду посвятил
 Ханжа запретя в монастырь
 Пред кем унизились З.
 Волкан Неапол пылал

Сбоку первый столбец

Наш З в покое * говорил
 Дружина старых усачей
 И пуще З пошел кутить.
 Они за чашею вина

Второй столбец

Сбирались члены сей семьи
 Тут [бы] Л. дерзко предлагал
 Но там где ране весна

Ключ Морозова в том, чтобы читать стихи в такой последовательности: сперва верхние стихи правой страницы, затем ниж-

* Ошибочное чтение «покое» позднее было исправлено Б. В. Томашевским на «в конгрессе» (см.: *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.*: В 10 т. М.; Л., 1950. Т. 5. С. 211. — *Примеч. Н. Б. Томашевского*).

ние стихи той же страницы, начиная со стиха «Плешивый щеголь враг труда», затем верхний стих левой страницы и нижний, начиная со стиха «Над нами З — тогда». Протрем эту расшифровку, одновременно раскрывая сокращения Пушкина:

- I Вл[аститель] слабый и лукавый
Плешивый щеголь враг труда
Нечаянно пригретый славой
Над нами ц[арствовал] тогда
.....
- II Его мы очень смиренным знали
Когда не наши повара
Орла двуглавого щипали
У В[онапартова] шатра
.....
- III Гроза 12 года
Настала — кто тут нам помог?
Остервенение народа
Б[арклай], зима иль р[усский] б[ог].
.....
- IV Но бог помог — стал ропот ниже
И скоро силою вещей
Мы очутились в П[ариже]
А р[усский] ц[арь] главой ц[арей].
.....

Если мы начнем восстанавливать следующее четверостишие, то у нас получится бессмыслица. Четвертый стих явно относится к следующему четверостишию. Очевидно, Пушкин по ошибке просто не записал четвертого стиха этой строфы. Поэтому приходится в реставрации строфы ограничиться тремя стихами:

- V И чем жирнее тем тяжеле.
О р[усский] глупый наш н[арод]
Скажи зачем ты в самом деле
.....
- VI Авось, о Шиболет народный
Тебе б я оду посвятил
Но стихоплет великородный
Меня уже предупредил
.....
- VII Авось аренды забывая
Ханжа запретя в монастырь
Авось по манью [Николая]
Семействам возвратит С[ибирь]
.....

- VIII Сей муж судьбы, сей странник бранный
 Пред кем унизились ц[ари]
 Сей всадник папою венчаный
 Исчезнувший как тень зари
 . . . . .
- IX Тряслися грозно Пиринеи —
 Волкан Неаполя пылал.
 Безрукий к[нязь] друзьям Мореи
 Из К[ишинева] уж мигал.
 . . . . .

Со следующей строфой в записи Пушкина опять неблагополучно. Четырех рифмующих стихов не получается. Но на этот раз нельзя предположить пропуск, так как следующие стихи опять согласованы. Очевидно, Пушкин просто вместо третьего и четвертого стихов записал, например, шестой и седьмой. Почему он ошибся дважды, неясно. Не служила ли для зашифровки рукопись, в которой ошибочно было пропущено в данной строфе три стиха?

Возможен и механический пропуск. Из приведенного воспроизведения видно, что вместо стиха 1-го строфы XVI Пушкин начал: «Но т(ам где ранее весна)», т. е. следующий стих. Там он исправил ошибку. Здесь он мог ее не заметить.

Итак, для данной строфы мы имеем два двустушия, не связанные друг с другом:

- X Я всех уйму с моим народом
 Наш царь в покое * говорил
 . . . . .
 А про тебя и в ус не дует
 Ты А[лександровский] холоп
 . . . . .
- XI Потешный полк Петра Титана
 Дружина старых усачей
 Предавших некогда [тирана]
 Свирепой шайке палачей
 . . . . .
- XII Р[оссия] присм[ирела] снова
 И пуще ц[арь] пошел кутить
 Но искра пламени инова
 Уже издавна может быть
 . . . . .

Дальше столбец четвертых стихов прекращается, и мы имеем лишь по три стиха строфы:

* Следует читать «в конгрессе» (см. примеч. на с. 55). — *Примеч. Н. Б. Томашевского.*

- XIII У них свои бывали сходки
Они за чашею вина
Они за рюмкой русской водки
.....
- XIV Витийством резким знамениты
Сбирались члены сей семьи
У беспокойного Никиты
.....
- XV Друг Марса Вакха и Венеры
Тут Л[унин] дерзко предлагал
Свои решительные меры
.....
- XVI Так было над Невою льдистой
Но там где ранее весна
Блестит над К[аменкой] тенистой
.....

На этом криптограмма оканчивается. Всего она содержит фрагменты шестнадцати строф. Значит ли это, что больше ничего в X главе не содержалось? К этому как-то ведут показания Вяземского и А. Тургенева, дающие цитаты из известной нам части. Но, с другой стороны, Тургенев пишет о том, что в строфах, читанных Пушкиным, говорилось о «возмущении 1825 года»; между тем в этих строфах говорится лишь о подготовке к 1825 г. Вряд ли тут неточность в выражении у Тургенева. Как мы далее увидим, XVI строфа не может быть заключительной. Почему же Пушкин шифрует только 16 строф? В качестве предположения могу сказать следующее; беловые рукописи «Евгения Онегина» представляют собой сшитые от руки тетрадки в восьмушку писчего листа, причем на каждой странице тетрадки помещается одна строфа. Шестнадцать строф — это ровно тетрадка. Возможно, что зашифровка такой «порции» в 16 строф объясняется именно подобным механическим соображением. И хотя у нас нет никакой уверенности в том, что X глава была закончена (и Вяземский, и А. Тургенев говорят лишь о строфах из главы), но нет никаких положительных данных к тому, чтобы считать XVI строфу последней. <...>

Таково содержание криптограммы. Перейдем теперь к черновику. Опишем отдельно обе стороны этого листка, не предрешая вопроса об их последовательности.

<...> Чтобы разобраться в этом довольно хаотическом черновике, сделаем сводку всего прочитанного. Здесь же попутно проследим и работу Пушкина над текстом. Сперва обратимся к строфам на той стороне листка, на которой находится жандармская

цифра. Здесь находятся две строфы, уже отчасти нам знакомые по криптограмме. Там они выписаны подряд и читались:

Друг Марса, Вакха и Венеры
Тут Л— дерзко предлагал
Свои решительные меры

.....

Так было над Невою льдистой
Но там, где ранее весна
Блестит над К тенистой

.....

Первая строфа известна также по цитате в письме А. Тургенева. Итак, дадим сводку:

- I Друг Марса, Вакха и Венеры
Им резко Лунин предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал.
- 5 Читал свои Ноэли Пушкин
Меланхолический (?) Якушкин
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал
Одну Россию в мире видя
- 10 Лаская в ней свой идеал
Хромой Тургенев им внимал
И слово рабство ненавидя
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.
-
- II Так было над Невою льдистой
Но там, где ранее весна
Блестит над Каменной тенистой
И над холмами Тульчина,
- 5 Где Витгенштейновы дружины
Днепром подмытые равнины
И степи Буга облегли,
Дела [иные уж] пошли.
Там П[естель] — для тира[нов]
- 10 И рать набирал
Холоднокровный генерал
И Муравьев его склоняя
И полон дерзости и сил
Минуты (вспышки) торопил.

<...> Перейдем теперь к неполной строфе, написанной на другой стороне листка (без жандармской цифры):

- 1 Сначала эти заговоры
 Между Лафитом и Кликю
 Все это были разговоры
 И не входила глубоко
- 5 В сердца мятежная наука.
 [Все это было только] скука
 Безделье молодых умов,
 Забавы взрослых шалунов.

Дальнейшие строки имеют совершенно отрывочный характер и сводке не поддаются. <...>

Обратимся теперь к вопросу о положении этой строфы среди прочих. Здесь может быть сделано предположение, что строфа эта предшествует двум, написанным на другой странице листка. Но в таком случае шифровка показывает, что из окончательного текста она была исключена. Тогда и надо ее рассматривать как недовершенный черновик, брошенный Пушкиным.

Но в таком предположении нет никакой нужды. В самом деле, рассмотрим в листок. На нем три строфы: две из них в общих чертах намечены полностью и одна доведена только до середины. Естественнее всего предположить, что листок был брошен именно тогда, когда Пушкин писал эту недоделанную строфу; менее естественным кажется предположение, что, не дописав одной строфы, Пушкин перевернул листок и стал писать новые строфы.

Если данная строфа доведена до конца, то она могла занимать только не попавшее в шифровку положение, рядом с двумя строфами, находящимися на обороте. Но положение этих строф вполне точно: это две последние строфы криптограммы. Следовательно, настоящая строфа может быть только семнадцатой. <...>

IX. КАК ДОВОДИТЬ X ГЛАВУ ДО ЧИТАТЕЛЯ

Десятая глава, помимо трудностей разгадывания ее смысла, создает еще одну трудность: как издавать ее; я говорю не о научном издании — здесь вопрос разрешается относительно просто, а об издании для читателя, не загроможденном научным и комментаторским аппаратом. Издавать эту главу совершенно без комментария мне представляется ошибкой, но всякий комментарий остается внешним по отношению к тексту произведения и не облегчает трудностей выработки окончательного текста. Трудности подачи текста возникают из следующих обстоятельств:

- 1) Глава в дошедших до нас документах не вся.
- 2) Самые куски между собой не связаны и прерываются большими пропусками.
- 3) В силу неполноты текст не всегда ясен.
- 4) В процессе шифровки Пушкин допустил несколько ошибок.
- 5) Текст дошел до нас в разнородных документах:
  - а) «криптограмма» доработанного текста;
  - б) мемуарные свидетельства;
  - в) незавершенный черновик трех строф.

Читателю нужен интегральный текст, поэтому необходимо делать объединение документов так, чтобы сохранилось впечатление единства текста. При этом необходимо сохранить впечатление отрывочности текста и недоделанности его в черновых строфах. Итак, встают вопросы о составе текста, о его редакции и о внешней форме передачи. Поскольку речь идет о сводной редакции произведения, форма которого вырисовывается весьма смутно вследствие отрывочности и неполноты документов, следует давать полный текст, т. е. вводить не только 16 строф криптограммы, но и семнадцатую строфу черновика, поставив ее на надлежащее место. Той же полноты следует придерживаться и в воспроизведении отдельных стихов, хотя бы и не связанных с текстом и не осмысляемых в совокупности других стихов. Но подобная сводность не дает возможности введения в корпус вариантов, и в черновых строфах должна быть соблюдена форма строфы путем отсечения параллельных вариантов и заполнения недостающих частей знаками разрыва текста (многоточием или иным типографским средством).

Редакцию лучше всего давать окончательную. Такой является редакция криптограммы, которой в соответствующих местах надо заменять стихи черновика. Получаемая контаминация двух редакций не должна быть опорочена, так как поправки Пушкина в этих стихах не связаны между собой и оба слоя текста не противоречат друг другу. Что касается до текстов, даваемых Вяземским и Тургеневым, то они, по-видимому, разноценны. Вяземский, вероятно, цитировал наизусть, а потому, заимствуя из его записи второй стих, пополняющий криптограмму, мы не должны по ней исправлять предыдущий стих. Иного характера запись Тургенева, которая дана не по памяти и кажется подлинной. Так как она восходит к беловому тексту, а мы можем противопоставить ей только черновик, то редакция Тургенева предпочтительнее чтения черновика.

Последнюю, семнадцатую строфу желательно давать не только в составе полных восьми стихов. Большой смысловый вес

имеют отрывочные проекты дальнейшего, которые и можно воспроизводить с сохранением внешнего вида их отрывочности, например:

Казалось; но. . . . .
 . . . . . узлы к узлам
 . . . . .
 И постепенно сетью тайной
 Россия. . . . .
 Наш царь дремал. . . . .

Я не предлагаю именно этого вида, но думаю, что подобная форма сохранит смысловую весомость набросков и укажет на полную их недоработанность.

Внешняя форма не должна пестрить условными знаками, которые до читателя не доходят; надо давать ему понять неполноту и незаконченность обычными средствами печати. Чтобы дать ощущение строф, отрывки должны быть разделены. В издании Гофмана и моем строфичность обозначена тем средством, к которому прибегал Пушкин — римской нумерации. Но так как мы имеем не полную главу, а строфы из главы, то удобнее давать их так, как Пушкин печатал отрывки из «Путешествия Онегина», т. е. отделять их звездочками. Тогда не создается ложного впечатления окончательной зафиксированности текста.

Ошибки Пушкина следует оставить неприкосновенными, так как у нас нет никаких средств их исправить. Но получающуюся неувязку следует разделить знаком пропуска.

Наконец, следует также принять за правило не печатать X главу без исторического комментария. Слишком отрывочны и недоговорены отдельные моменты этой «славной хроники». Читатель не обязан самостоятельно расшифровывать смысл этих фрагментов и имеет право получить готовые исторические справки к отдельным местам, в которых заключаются прямые или косвенные указания на лица и события. Нельзя довольствоваться «корректорской» текстологией, дисциплиной весьма почтенной и требующей большого и специального опыта, но совершенно бесплодной, если она замыкается на интересах документального, сырого воспроизведения источника и не имеет в виду реального читателя и не доискивается до смысла и значения воспроизводимого памятника. Время скопческой текстологии миновало, и она уже обречена.

Конечно, не может быть общего рецепта на подобный комментарий. Разный тип издания и разная читательская аудитория заставят остановиться на том или другом роде примечаний, на

большем или меньшем развитии, на той или иной степени субъективизма. Но уже самые сухие справки облегчат понимание.

На это обычно возражают: читатель не смотрит в примечания. Но кто в этом виноват? Конечно, нечего писать такой комментарий, который никто, кроме рецензента, не читает; но не в том ли и заключается задача современного текстолога, чтобы, не упуская из виду основного положения, что он издает не свои, а чужие произведения, в то же время приучить читателя к комментарию, сделав его легким, доступным и интересным. Но этот вопрос уже не связан с узкой задачей издания X главы «Евгения Онегина».

Я ограничусь этими указаниями. Их мелочность в действительности вызывается значительностью последствий, вытекающих из подачи текста. И предыдущее изложение, кажется, достаточно мотивирует эту мелочность и показывает, что работа текстолога даже в технических деталях есть осмысленная и живая работа, направленная к удовлетворению живой потребности адекватного восприятия вещи, а потому работа эта не может замкнуться в огороженную область изолированной специальности. Текстолог обязан быть и литературоведом, но обязан предусматривать последствия подачи чужого материала.

Десятая глава должна стать обычной в самых «популярных» изданиях Пушкина. Она должна быть дана так, чтобы читатель, видя ее недовершенность и неполноту, в то же время без труда преодолевал эту недовершенность и имел все данные, чтобы вскрыть внутренний смысл произведения*.

---

* Политические мотивы присутствовали и в основных главах романа, но были отсюда тщательно вытравлены. На это намекает Пушкин, заявляя, что пропущенные строфы он «не мог или не хотел напечатать». Только счастливая случайность — сохранившаяся копия В. Одоевского — дает нам представление о некоторых таких строфах. Так, одна из них, занимавшая место 38-й в шестой главе, содержала следующие стихи:

Он совершить мог грозный путь,
 Дабы в последний раз дохнуть
 В виду торжественных трофеев,
 Как наш Кутузов иль Нельсон,
 Иль в ссылке, как Наполеон,
 Иль быть повешен, как Рылеев.